

На правах рукописи

ЛЫСКОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА

**ФОРМИРОВАНИЕ ПУНКТУАЦИОННЫХ СИСТЕМ В
ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ (на материале немецкого XVII-XVIII
вв. и французского XVI-XVIII вв. языков)**

Специальность 10.02.19 – теория языка

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Ижевск 2006

Работа выполнена в ГОУ ВПО “Глазовский государственный педагогический институт им. В.Г.Короленко”

- Научный руководитель:** доктор филологических наук, доцент
Орехова Наталья Николаевна
- Официальные оппоненты:** доктор филологических наук, профессор
Васильев Лев Геннадьевич
кандидат филологических наук, доцент
Лелис Елена Ивановна
- Ведущая организация:** Пермский государственный
педагогический университет

Защита состоится « 2 » марта 2006 г. в 13 час. на заседании диссертационного совета ДМ 212.275.06 при Удмуртском государственном университете по адресу: Россия, 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корпус 2.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО “Удмуртский государственный университет”: г. Ижевск, ул. Университетская, 1.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Н.И. Чиркова

Подход к письму как к *вторичной* знаковой системе имеет долгую традицию. Пунктуация как составная его часть (наряду с графикой и орфографией) также характеризуется как подсистема языка вспомогательного характера. О вторичном характере пунктуации свидетельствует широко распространенное беспробельное написание (вплоть до VIII в.), частое отсутствие знаков препинания в ранних средневековых кодексах. Позднее, с усложнением деятельности социума, возрастает объем письменных сообщений, целесообразной становится необходимость введения особых знаков, способствующих адекватному членению текста. Однако оценка роли пунктуации и ее реальное функционирование в разных языках неодинаково. Это обусловлено различными факторами – развитием строя конкретного языка, теории синтаксиса, неодинаковыми подходами к назначению пунктуации, а также социо-культурными традициями.

Развитие современных языков неотъемлемо от письменной (печатной) формы их бытования, последняя же, как и большинство языков, испытывает воздействие современных процессов глобализации, демократизации и усиления личностного начала в сочетании со сложившимися традициями, аксиологическими приоритетами. Наблюдаемые в настоящее время процессы частично проявлялись и в прошлых состояниях языка (и в пунктуации), а в ряде теоретических подходов наряду с констатацией общего направления развития системы пунктуационных знаков, отмечаются типологически значимые свойства (рост корпуса знаков, их функциональная дифференциация, синонимия, нейтрализация и др.). Наряду с этим пунктуационная система каждого языка (в диахронии и синхронии) отмечена идиоэтнической спецификой. Так, общепризнано противопоставление двух типов пунктуации: “немецкого” (куда относится и русская пунктуация) и “французского” (пунктуация в английском и романских языках). В настоящей работе особое внимание в контексте диахронного подхода уделяется общим, типологически значимым параметрам пунктуации наряду со специфическими свойствами систем в конкретных языках.

Исследование выполнено на материале немецкого и французского языков (на хронологическом срезе XVI – XVIII вв.), поскольку данные языки являются эталонами, “прототипами” регламентирующего типа пунктуации и более свободной ее разновидностями. Норма французского языка в целом сложилась раньше нормы немецкого языка, что и обусловило различную хронологию.

Объектом исследования является процесс становления нормы в пунктуационной системе.

В качестве **предмета исследования** выступают немецкая и французская пунктуация, рассматриваемые в системно-диахронном аспекте в плане узуса и нормы на протяжении двух столетий.

Актуальность исследования. Современный этап функционирования языка на рубеже столетий требует новой оценки происходящих изменений. В целом ряде европейских языков актуальной становится проблема реформирования языка. Цель этих реформ одна – унификация письма, что не в последнюю очередь связано с развитием компьютерной парадигмы, усилением межкультурного взаимодействия, некоторым нивелированием идиотнических черт. Это ведет к формированию единого подхода к пунктуации – коммуникативно-прагматического, когда все внимание пользователя языка направлено на эффективную коммуникацию.

Особенно актуальной данная проблематика является для немецкого языка. Необходимость рассмотрения немецкой пунктуационной системы в процессе ее становления мы связываем с реформой графики, осуществляемой с 1998 г. Направления реформирования современной немецкой пунктуации сопоставимы с узуальным характером последней в исследуемый период, что свидетельствует о существующей на протяжении столетий традиции.

Исследование такого рода позволит также пролить свет на вопросы нормообразования, неизученные моменты становления и развития, и взаимовлияния пунктуационных систем (так, в немецком языке в середине XVIII в. регистрируем рост графического необособления ряда придаточных предложений под влиянием французского языка). Сопоставление типологически различных языковых явлений способствует выявлению общих закономерностей развития пунктуационных систем в соответствующих языках. Не менее существенным фактором выбора языка стал тот факт, что пунктуационные нормы французского языка, как правило, не включены в учебники и учебные пособия, что еще раз свидетельствует о вспомогательном характере пунктуации и даже о недооценке ее роли. Таким образом, складывается впечатление, что французские пунктуационные нормы, имея за собой многовековую традицию, так и не получили адекватной кодификации.

Цель исследования состоит в попытке теоретического осмысления общих закономерностей и тенденций развития пунктуации, определении идиотнической специфики развития немецкой и французской систем пунктуации на базе поликоординированного системного подхода в плане взаимовлияния пунктуационных норм исследуемых языков, возможных векторов дальнейшего развития систем.

В связи с поставленной целью сформулированы основные **задачи** работы:

- дать оценку современному состоянию пунктуационной теории;
- рассмотреть процесс становления языковой нормы и понятие пунктуационной нормы как составной части языковой нормы, выявить ее место, ранг среди языковых норм;

- выявить условия, которые способствовали формированию “немецкого” типа пунктуации, и проследить динамику пунктуационной нормы в немецком языке;

- определить причины, обусловившие становление “французского” типа пунктуации, и описать динамику пунктуационной нормы во французском языке;

- выявить факторы, под влиянием которых происходят изменения в пунктуационной норме;

- проанализировать теоретические руководства по пунктуации XVI - XVIII вв. во французском языке и немецкие пунктуационные учения XVII - XVIII вв.;

- сопоставить кодифицированную норму исследуемых языков; выявить общие (типологически значимые) и частные особенности каждой из систем;

- описать специфику становления и развития пунктуационных норм в письменной практике исследуемых языков.

Основные методы исследования определяются целями и задачами работы. Синхронно-диахронная характеристика пунктуационных систем немецкого и французского языков обусловила использование описательного метода, на основе анализа и синтеза. С целью выявления общего и идиоэтнического компонентов применяется сравнительно-сопоставительный метод, наблюдение, аналогия, экстраполяция на базе комплексного структурно-семантического и коммуникативно-прагматического анализа.

Материал исследования. Основная часть анализируемого материала извлечена из художественной, научной и публицистической литературы немецкого и французского языков XVI – XVIII вв. методом сплошной выборки. Собрано и проанализировано более 3 тыс. примеров (тексты, фрагменты текстов).

Новизна исследования состоит в системном диахронном анализе формирования и развития пунктуационных систем немецкого и французского языков в плане корпуса знаков, системных отношений, узуса, нормы и ее кодификации; в выявлении общих закономерностей нормообразования и узуса. Работ, посвященных последовательному описанию и соотношению реального узуса и зафиксированной нормы на определенном хронологическом срезе, представление таких корреляций в динамике как отражение эволюции языковых явлений, недостаточно. Из исследований такого плана для пунктуации можно назвать труды А.Б. Шапиро, Б.И. Осипова, Б.С. Шварцкопфа, Н.С. Валгиной. Еще большую редкость представляют сопоставительные диахронно-синхронные исследования двух и более языков – практически единственное исследование Н.Н. Ореховой, выполненное в рамках триады “система – узус - норма”.

Теоретической и методологической основой настоящей работы послужили труды отечественных и зарубежных лингвистов, посвященные проблемам письма (И. Гельб, А.А. Реформатский, Л.В. Щерба, О.А. Добиаш-Рожественская, В.А. Истрин, Б.И. Осипов, Т.А. Амирова, Л.Р. Зиндер), орфографии и пунктуации (Н.С. Валгина, Б.С. Шварцкопф, Б.И. Осипов,

Н.Н. Орехова, Н.Л. Шубина, Л.Г. Веденина, В.Г. Гак, Л.В. Щерба, В.Ф. Иванова, А.И. Моисеев, А.Н. Наумович, Т.М. Николаева, А.Б. Шапиро, Р. Баудуш, Д. Нериус, Н. Каташ), **языковой норме** (А. Едличка, Н.Н. Семенюк, Л.В. Щерба, В.А.Ицкович, Б.С. Шварцкопф, Б.И. Осипов, Н.Н. Орехова).

Достоверность и объективность исследования обусловлена следующими факторами:

- Обширностью и разнообразием изученного и интерпретированного теоретического материала (более 200 теоретических источников, около 60 из которых на немецком и французском языках).

- Объемом изученного фактического материала. Базой исследования послужили более 3000 примеров, отобранных из аутентичных источников методом сплошной выборки.

- Предметом рассмотрения стали памятники различных жанров: художественная и научно-популярная проза, исторические хроники, траурные речи, проповеди, публицистика, философская проза, эпистолярный жанр.

- Привлечением к исследованию разноструктурных языков.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в возможности применения ее результатов в процессе преподавания истории языка, истории письма, теоретической и практической грамматики, в курсе сравнительной типологии. Результаты исследования могут послужить основой для написания курсовых и выпускных квалификационных работ, создания учебно-методических пособий для студентов и учителей иностранного языка. Возможно также использование полученных результатов при разработке направлений усовершенствования (реформирования) пунктуационных систем в немецком и французском языках.

На защиту выносятся следующие положения:

- 1) пунктуационная система – это подсистема письменного языка, в которой регулярно манифестируются законы языкового развития (асимметрия формы и содержания, антиномия узуса и нормы, полевой характер системы и пр.);

- 2) пунктуационная система является функционально-адаптивной системой, реагирующей на изменения в социуме, в ней представлены центр и периферия; в развитии пунктуационных систем прослеживаются определенные общие, типологически релевантные закономерности, заключающиеся в постепенном увеличении числа компонентов системы, появлении новых функциональных зон, в возможности комбинирования знаков препинания с другими графическими приемами, в возможности перераспределения функций знаков, их варьировании;

- 3) периферийные явления являются источником колебаний нормы, что, в свою очередь, является основой для “новой” нормы – так, нормы “немецкого” и “французского” типов модифицируются в процессе функционирования, нормы “немецкого” типа становятся более демократичными, пользователю предоставляется большая свобода в выборе знаков;

4) знаки препинания являются полидетерминированными единицами - на выбор знака могут влиять различные факторы (объем конструкции, ее позиция, пунктуационная ситуация, синтагматика знаков, степень взаимосвязи структурных компонентов, стиль);

5) процесс формирования пунктуационных систем немецкого и французского языков проходил под влиянием двух разнонаправленных языковых тенденций: для французского языка – в пунктуации находит свое выражение закон экономии языковых средств выражения; для немецкого языка – потребность в максимальной эксплицитности синтаксических отношений;

6) пунктуационная норма, имеющая промежуточный характер между орфографической и другими нормами, отмечена идиоэтнической спецификой; своеобразие “немецкого” типа пунктуационной нормы в общих чертах сформировалось к концу XVIII столетия и состоит в глобальной ориентации на структуру; пунктуационная норма “французского” типа сложилась в русле риторического и рационального поиска оптимальных языковых ресурсов передачи смысла, когда при наличии лексико-грамматических показателей (союзы, словопорядок) знаки препинания расценивались как излишние; этот тип пунктуации сложился в общих чертах к концу XVII века;

7) характер пунктуационных норм зависит от целого комплекса внутривидовых, социокультурных, исторических и имманентных свойств языка – при сложившихся общих для европейских языков пунктуационных основах соответствующая языковая норма носит поликоординированный характер, в каждом конкретном языке определяющую роль играют исторический фон (языковые взаимодействия, традиции), уровень разработки метатеории, подходы к нормализации, ориентация социума на характер регулятивных процессов (прескриптивность, лабильность).

Апробация исследования. Основные положения диссертации обсуждались на заседаниях кафедры романо-германской филологии Глазовского государственного педагогического института им. В.Г.Короленко, а также на семинарах аспирантов и соискателей. По материалам исследования сделаны доклады на Пятой региональной научно-практической конференции “Достижения науки и практики – в деятельность образовательных учреждений” (Глазов, 2002); на Всероссийской научно-практической конференции (Ижевск, 22-23 мая 2003); на III Всероссийской научно-практической конференции (Пенза, март 2004); на V Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (Красноярск, 20-21 мая 2004); на Седьмой региональной научно-практической конференции “Достижения науки и практики – в деятельность образовательных учреждений” (Глазов, 2005). Содержание диссертации отражено в 7 публикациях.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключение, списка использованной литературы и источников, Приложений.

Основное содержание работы

Когнитивная деятельность человека усложняется по мере развития общества, как следствие этого видим возросший объем информации и перераспределение функций вербального и невербального компонентов оформления письменного текста. Развитие компьютерной парадигмы в науке влечет за собой формирование новых способов осуществления коммуникации между представителями разных социумов. Все эти изменения отражаются и на такой языковой подсистеме, как пунктуация.

На современном этапе можно констатировать, что в пунктуации многих европейских языков происходит изменение принципов пунктуации – на первый план выходит коммуникативно-прагматический принцип пунктуации, когда автор сам выбирает тактику оформления своего письменного сообщения. Так, если вплоть до 80-х гг. XX в. немецкие исследователи пунктуации признавали ведущим синтаксический принцип пунктуации, а в трактовках исследователей французской пунктуации доминировал интонационный и семантический подходы, то к концу XX столетия все больше исследователей признает единый принцип для разноструктурных языков – коммуникативно-прагматический (Ментруп 1983, Баудуш 1997, Веденина 1991, Каташ 1994 и др.).

Сегодня пунктуация – это не просто свод правил употребления знаков препинания, а целая подсистема, часть графики, которая “обслуживает” в языке два уровня: уровень предложения и уровень текста, более того, она выходит за пределы языковой системы в виртуальную реальность (гипертекст и особенности его развертывания). В связи с выходом исследований в область текста, дискурса, пунктуацию стали рассматривать как особое текстоорганизующее средство, особый информационный канал, который подчиняется стратегии смыслового свертывания и развертывания текста (Шубина 2000, Орехова 2000, Кольцова 2004). Такая динамика исследований вполне оправдана развитием синтаксической теории, с одной стороны, и процессами, происходящими в социуме, с другой, а также достижениями научно-технического прогресса. Эту динамику призвана отражать кодификация языковых норм.

Как известно, языковая норма тесно связана с эволюцией языка и складывается из узуса; в лингвистике различают два аспекта понятия языковой нормы: объективная (дескриптивная, онтологическая) норма и оценочная (прескриптивная, аксиологическая) норма. Таким образом, развитие языковой нормы представлено следующим образом:

Узус —————> дескриптивная норма —————> прескриптивная норма.

Можно констатировать, что это - естественный процесс смены норм. Узус складывается стихийно в результате многовековой практики. Дескриптивная норма оформляется также стихийно, как узус, что соответствует начальному этапу развития языковой системы. Следующий этап эволюции языковых норм исследователи (Н.Н.Семенюк, В.А.Ицкович, В.Г.Гак,

К.С.Горбачевич, И.А.Селина и др.) рассматривают как процесс перехода дескриптивной нормы в прескриптивную, включающий несколько этапов: зародившись внутри одной социальной группы, изменение постепенно распространяется на всех носителей языка, начинает осознаваться ими как нормативное явление, а затем и окончательно закрепляется в системе языка посредством кодификации. Эти положения в полной мере относятся и к пунктуационной норме. Однако реализация такой динамики пунктуационной нормы протекает в разных языках неодинаково, что обусловлено “промежуточным” характером пунктуационной нормы (Шварцкопф 1988).

Пунктуационная норма, по мнению Б.С. Шварцкопфа, в аспекте “возникновения” устанавливается нормализационным актом (как и орфографическая норма), но в отличие от орфографической нормы, в аспекте «функционационирования» постепенно формируются новые закономерности реализации системы, пунктуационная норма выступает как заданная свойствами функционирующей системы и носит, таким образом, промежуточный характер. Промежуточный характер определяет и значимость, “принятость” пунктуационной нормы в социуме. В целом, такой характер пунктуационных норм соответствует онтологии пунктуации как вторичной системы.

Анализ письменных памятников рассматриваемых языков свидетельствует и об общих тенденциях в развитии пунктуационных систем, и о своеобразии каждой, что обусловлено спецификой конкретного языка, этноса, его сознания.

Развитие пунктуационной нормы немецкого языка происходит в контексте норм литературного языка, который, по оценкам специалистов, сформировался на базе восточносреднемецких диалектов лишь во второй половине XVIII века. Для решения вопроса о становлении пунктуационной нормы немецкого языка мы обратились к истории немецкого письма и пунктуации. В ходе проведенного исследования выявлена следующая *динамика пунктуационной нормы для немецкого языка: узус (XV-XVI вв.) ----- дескриптивная норма (XVII-XVIII вв.) ----- прескриптивная норма (XVIII-XX вв.) ----- дескриптивная норма (современный этап)*.

Исследователи традиционно относили немецкие пунктуационные нормы к регламентирующему, строго установленному типу пунктуации, которому была чужда вариативность. На основе проведенного анализа теоретических источников мы попытались выявить факторы, которые способствовали становлению такой прескриптивной, регламентирующей нормы. К факторам, обусловившим предписывающий характер немецких норм в XVIII - XX вв. мы относим целый комплекс внешних и внутренних факторов:

- Становление языкового единства проходило в Германии на фоне борьбы между севером и югом (Nerius 1967). Несмотря на то, что положение восточносреднемецких диалектов в качестве нормативной базы было в XVIII веке неоспоримым, представители южных областей Германии пытались ре-

шить вопрос “правильного языка” в свою пользу. Результат борьбы – единственное решение, носящее декларативный, устанавливающий порядок.

- Отсутствие единого политического центра, регулирующего и способствующего становлению единой языковой нормы, привело к тому, что ученые-грамматисты стали сознательно стремиться к выработке единых требований, обязательных для всех.

- Особенности менталитета немецкого народа, когда доминирующий сценарий - “Ordnung” (порядок) предполагает дисциплину, упорядочение всех сфер жизнедеятельности общества (Вежицкая 2001).

- Влияние классического латинского языка, с многовековыми традициями; с XVII века - влияние французского языка, который рассматривался как совершенный язык, четко организованная система, обеспечивающая все потребности общения, общепринятая система и в силу этого норма сама по себе (Щетинкин 1984). Эти языки были непререкаемыми эталонами для подражания.

- Рационалистическая регламентация языка. Период с конца XVIII – начала XIX вв. характеризуется закреплением норм немецкого литературного языка. В нормализации преобладают не столько стихийные, как в предыдущие эпохи, сколько сознательные процессы. Формулируя правила, грамматисты в качестве критериев нормы называли правильность, чистоту, простоту и ясность. Добиться этого можно было лишь исключением многочисленных вариантов.

- Предписывающих норм требовала и дискуссия среди филологов об основе норм литературного языка: узусальное употребление лучших современных писателей (Voß, Klopstock, Gottsched) или узусальное употребление языковых единиц, принятое в образованном высшем сословии и в определенном ареале (Adelung).

Далее пунктуационная норма развивается вместе с языком, и в современном немецком узусе появились тенденции, которые противоречили действующим правилам. Перед филологами стояла задача приспособить языковые нормы к изменившейся языковой действительности. Следствием этого стала проведенная реформа орфографии и пунктуации. Демократичность реформы 1998 – 2005 гг. состоит в отсутствии жесткого диктата, правила стали носить рекомендательный, поясняющий характер. В немецком языке изменилась установка: muss – правила превратились в kann – правила.

Таким образом, пунктуационная норма немецкого языка на современном этапе становится более лабильной, она уже не декларированная, предписывающая, а скорее дескриптивная, описывающая.

Возвращаясь к динамике пунктуационных норм, попытаемся выяснить, чем обусловлен современный переход прескриптивной нормы немецкого языка в дескриптивную. Это и стихийные, и сознательные нормализационные процессы: демократизация языка, влияние английского языка с более свободной пунктуацией, новые функции пунктуации в связи с развитием информаци-

онных технологий и разная степень строгости норм или, по В.В. Виноградову, “неодинаковая крепость нормы”. К.С. Горбачевич обуславливает разную степень жесткости прескриптивной нормы внутренними механизмами функционирования языка, он утверждает, что “оценочная сторона нормы в сущности является вторичной, производной от регулярно реализуемых возможностей языковой системы. Оценка фактов не только не остается постоянной, но и обычно следует в направлении изменяющегося узуса” (Горбачевич 1978: 46).

Таким образом, изменение норм – это непрекращающийся процесс, при котором происходит постоянное количественное накопление изменяющихся языковых фактов, заканчивающееся качественным изменением в норме, ее обновлением, что мы и наблюдаем в немецкой пунктуации на современном этапе.

Иначе развивается *пунктуационная норма французского языка*. На основе сопоставления эволюции пунктуационной нормы в немецком и французском языках, мы пришли к выводу, что формирование дескриптивной нормы на базе узуса является общим, типологически релевантным свойством пунктуационных систем немецкого и французского языков, что обусловлено начальным этапом формирования системы, а, следовательно, доминированием стихийного начала, отсутствием сознательного нормотворчества. Однако на последующем этапе все более значимую роль начинают играть сознательные усилия грамматистов и здесь проявляются различия в пунктуационной норме рассматриваемых языков.

Французский язык, по оценке В.Г. Гака, принадлежит к сильнонормированным языкам; современная норма в целом была установлена в XVII веке и постоянно поддерживалась писателями, официальными инстанциями, школой.

Если грамматисты XVI века описывали грамматический строй языка, то их коллеги в XVII веке стремились объяснить его. Вопросы языковой политики активно обсуждались в обществе. И сразу же выявились два противоположных направления: нормативное и рациональное.

Однако вопросы пунктуации не были объектом изучения этих направлений. Полагаем, что в формировании “французского” типа пунктуации также имел место целый комплекс причин - как внутривидового, так и социокультурного, и исторического характера:

- Работа над лексикой, словарем стояла во главе угла - учеными решался вопрос “обогащения” языка для того, чтобы показать, что французский язык способен быть (наряду с латынью) средством общения во всех сферах деятельности социума. Только богатый язык мог соперничать с таким авторитетным, имеющим прочную традицию языком, каким представлялся в то время латинский – средство интернационального научного общения. Именно поэтому работа над языком понималась прежде всего как работа над отдельными словами (Будагов 1980).

• Не последнюю роль сыграл и внутривидовый момент - сложившийся вследствие сплоченности синтаксических групп “прогрессивный” (Гак 1977, Шигаревская 1975, Сергиевский 1988) порядок слов¹. В соответствии с таким порядком следования компонентов знаки отделяют/выделяют лишь элемент, занявший не свою позицию. М.В. Сергиевский считает, что такой строгий синтаксис соответствовал общему духу эпохи с ее централизацией и подчинением авторитету. Нарушать же твердофиксированный порядок слов – этот “эстетический идеал” эпохи - считалось плохим стилем (Сергиевский цит. по: Березин 1988: 47).

• В.Г. Гак (1983), В.Г. Адмони (1972), Л.Г. Веденина (1988) отмечают роль анализи́зма французского языка, когда неизменяемость формы слова приводит к количественному и качественному росту служебных слов – актуализаторов. Знаменательное слово образует со своими служебными словами единое синтаксическое целое, единую ритмическую группу, формируя особое морфолого-синтаксическое единство – “синтаксическую молекулу”, по терминологии Ш. Балли. В такой молекуле представлен богатый арсенал языковых средств и связей (детерминативы - un, le; выделительные частицы – donc, précisément; отделители – quant à moi, pour moi, en ce qui me concerne, pour ce qui est de moi; самостоятельные местоимения наряду с существительными – Pierre, lui, est venu; повторы, многозначные союзы и союзные слова). Выступая в единстве, все эти средства приводят к тому, что внутри синтаксической группы возникает *грамматический плеоназм*, так что использование знаков препинания становится вроде бы излишним.

• Тесно связана с вышеназванным фактором и социокультурная среда, в которой транслируются отношения между людьми (Ворожцова 2000). Письменный текст, как отражение устной речи, в сущности своей диалогичен. Согласно И.Б. Ворожцовой, для французского общества типична Ты-ориентация в диалоге, для которой характерно дублирование форм и способов информирования. Это стремление отражает тенденцию быть эксплицитным для собеседника, не рассеивать его внимание, задать структуру текста таким образом, чтобы уже в самом начале были обозначены ситуативные опоры (кто, что, когда, где). И снова знаки препинания кажутся излишними.

• Союз que, прототип почти всех французских союзов, выступает как универсальное средство подчинительной связи, поэтому его относят к союзам, лишенным всякого лексического значения - асемантическим². Союзы и союзные слова, наряду с различными связующими словами (cependant, alors, en effet), местоимениями и гиперонимами являются важнейшими средствами связи предложений в сверхфразовом единстве (Гак 1977). Примечательно в

¹ Фиксированный порядок слов утвердился во французском языке в конце XV века (Общее языкознание 1970: 301).

² “Во французском языке, - пишет Ш.Балли, - que стремится превратиться в частицу, пригодную на все случаи жизни” (Балли 1961: 104).

этом отношении исследование Л.Г. Ведениной, в котором автор, проанализировав различные пунктуационные модели, приходит к выводу о том, что пунктуационные знаки и союзы функционируют в предложении параллельно – знаки отмечают границы сегментов, показывая, что связывается, а союзы квалифицируют связь между сегментами, определяя, как они связываются (Веденина 1991).

- Во французском языке в качестве дополнительного средства связи частей сложного предложения выступают формы глагола. Проявляется сильная корреляция между глагольными формами и союзами: после некоторых союзов обязательно употребление одних наклонений и времен и неупотребление других.

Таким образом, эта, сложившаяся уже к XVII в., система прогрессивного порядка слов и лексико-грамматических средств оказалась самодостаточной для выражения всего богатства мыслей, чувств, смыслов, а пунктуационные знаки оказались в маргинальном положении, в определенной мере плеонастическими. Полагаем, что так называемый “французский тип пунктуации”, отличный от структурно-ориентированного (русский, немецкий языки) в основных своих чертах сформировался уже в конце XVII в.³

Таким образом, для французского языка можно констатировать следующую эволюцию пунктуационной нормы: развившись из узуса XVI в., впоследствии она стала дескриптивной, описывающей, нежесткой. Такое положение дел сохраняется с XVII в. по сей день.

Причина такой “застывшей” динамики обусловлена, на наш взгляд, несколькими моментами.

Во Франции уже в XVI веке четко осознается превосходство диалекта столицы и двора как центра нации и формируется понятие национального языка.

В XVII веке Франция стала самым влиятельным государством Европы; совершившееся национальное объединение следствием имело бурное развитие культуры, литературы, науки. Французский язык стал эталонном, образцом, которому следовало подражать.

Значительную роль сыграла языковая политика государства. – Во второй половине XIV в. появляются первые трактаты по риторике и грамматике (Шишмарев 1955); в первые десятилетия XVI века, наряду с традиционными уже университетами и школами, стали открываться новые учебные заведения – коллегии; 1530 г. – была основана гуманитарная школа Коллеж де Франс; 1635 г. – создание Французской Академии, где активно занимались вопросами языка и нормы (Смирнов 2001).

³ По мнению Л.Г. Ведениной, стабилизация французской пунктуации, как и орфографии, имеет место только в XIX веке. Согласно Н. Каташ, система пунктуации сложилась раньше, в XVIII веке.

Не последнюю роль сыграли такие черты французского менталитета, как верность традициям, истории народа, прошлому, стремление к демократии, свободе личности⁴.

Существенным фактором явился и классицизм, который достиг своего совершенства именно во Франции. По мнению классицистов, образцовые произведения были созданы в далеком прошлом и для новых времен оставалось лишь строго следовать найденным раз и навсегда идеальным образцам (Артамонов 1973).

Таким образом, исследователи-романисты (Доза 1956, Аллендорф 1959, Гак 1977, Будагов 1980) считают, что если в XVII веке основной задачей теоретиков было изучение языковых явлений и установление норм употребления литературного языка, что дало блестящие результаты в языке писателей-классиков XVII века, то в XVIII веке установилось мнение, что в произведениях классиков французский язык уже достиг своего совершенства, а задача теоретиков заключается в том, чтобы сохранить язык на достигнутом уровне (Вгун 1957, Аллендорф 1959). В этот период было отвергнуто изучение языка на основе его живого употребления и был утверждён принцип разума. Логика стала довлеть над языком, это приводило к тому, что новые языковые явления часто рассматривались как случайные, а явления пережиточные фиксировались как незыблемые. И как следствие этого мы наблюдаем сегодня достаточно сложную французскую орфографию и пунктуацию, сохраняющую черты минувших эпох.

Итак, на формирование двух противопоставленных пунктуационных систем влияют, прежде всего, *социальные факторы, сознательные установки, нормализаторская деятельность*. Вместе с тем необходимо подчеркнуть роль таких имманентных свойств пунктуации, как вариативность, полифункциональность, смещение приоритетов, когда изменяется сам характер норм. Если в свое время Л.В. Щерба выделял “немецкий” и “французский” типы норм, то сегодня в связи с активными процессами в обществе и языке, мы наблюдаем процесс модификации этих типов норм, их сближение. На первый план выходит пользователь языка, что связано с изменением лингвистической парадигмы, ему предоставляется больше свободы в выборе знака в соответствии с авторской интенцией.

Пунктуационная система является функционально-адаптивной системой, реагирующей на изменения в социуме, в ней представлены центр и периферия. Это свойство является общим для обеих систем. В ходе становления системы появляются новые знаки, происходит перераспределение функций знаков, наблюдается их полифункциональность, способность обслуживать

⁴ Во Франции раньше, чем в других европейских странах, были признаны права человека и гражданина, возникла республика, сложилась многопартийная система (Смирнов 2001: 6).

разные участки системы, складываются внутрисистемные отношения, иерархия знаков, происходит нормализация узуса. Формируются группировки межфразовых и внутрифразовых знаков, затем отделяющих и выделяющих, приходит осознание смыслодифференцирующей функции знаков. На основе полученных результатов исследования можно сделать вывод о том, что в обоих языках в течение XVI-XVIII вв. происходит отбор и закрепление наиболее регулярных, стабильных реализаций пунктуационной системы из множества вариантов.

Кодификационные требования в целом сформулированы более узко; возможности системы, представленные в узусе, намного шире, что подтверждает положение о ретроспективности кодификации. Периферийные явления служат источником колебаний нормы, что, в свою очередь, создает основу для “новой” нормы – на протяжении столетий наблюдается варьирование функций знаков, тождество их функциональных зон на определенных участках пунктуационной системы, затем перераспределение их функций. Так, на протяжении столетий в узусе и в норме обоих языков точка с запятой вытесняет двоеточие, происходит перераспределение их функций, наблюдается варьирование знаков.

Сопоставляя освещение вопросов пунктуации в немецких и французских руководствах исследуемого периода, нами зафиксирован тот факт, что корпус знаков раньше сложился во французской пунктуационной теории и узусе, однако функциональный потенциал отдельных знаков представлен неодинаково.

Зоны функционирования некоторых знаков совпадают в обоих языках: обозначение конца высказывания, отделение однородных членов, уточняющих элементов, предикативных частей, препозиция придаточного предложения, делимитация прямой речи и слов автора. Знаки в обоих языках представлены как полидетерминированные явления, их выбор может быть мотивирован объемом конструкции, ее позицией, наличием определенных союзов, иерархией знаков, их синтагматикой, интенцией автора, стилем повествования, даже отношениями коммуникантов (деловая и личная переписка). Общим свойством систем является и первоначальная корреляция пунктуационных знаков с интонационно-риторической структурой высказывания. С развитием синтаксических представлений, пунктуационной теории проявляется идиоэтническая специфика пунктуационных систем отдельных языков.

В ходе исследования установлено, что в целом на идиоэтническую специфику пунктуационных норм и языковых норм оказывает воздействие совокупность факторов: условия формирования национального языка, особенности процессов нормализации и кодификации, степень сознательного отношения к этим процессам в обществе, их оценка в социуме, особенности менталитета народа, степень влияния других письменных языков.

Функционирование знаков в **немецкой** пунктуационной практике *первой половины XVII в.* характеризуется следующими особенностями. В качестве

знаков конца частей периода могут выступать виргула, двоеточие и редко точка с запятой: Er hat nichts gesuendiget wider die hohe Obrigkeit/ nichts wider die wolffahrt des Vaterlandes/ nichts wider die Freyheit dieser Stadt; Seine haende sind nicht gebunden: Seine fuesse sind nicht in fessel gesetzt (Trauerreden von Barock, 1646, S.50).

На протяжении столетия мы наблюдаем количественное изменение корпуса знаков: виргулы и двоеточия уже недостаточно, со второй половины XVII века в пунктуационную практику и теорию (Ратке 1629) вводится точка с запятой, однако и к концу XVII века ее функции неясны. Некоторые функции точки с запятой на практике совпадают с функциями двоеточия: оформление союзной и бессоюзной связи, пояснение, причинно-следственная связь, отделение распространенных примеров: In seinem Hals hangt eine guldne Ketten, und an derselben ein Herß: Seine Rechte ist offen, in der Linken haelt er einen <...> (Harsdoerffer, 1641, S. 535); Dieses Bild sol auf einer Floeten spielen, auf einer Seiten einen Hirschen, der sich durch solches Spiel (wie man schreibt) sol fangen lassen, und zahm werden; auf der andern Seiten einen Bien= oder Imenkorb haben: weil das Bien benebst dem Hoenig auch den Stachel weiset (Harsdoerffer, 1641, S. 535). Вследствие этой синонимии выбор конкретного знака не вполне последователен.

В первой половине XVII в. в кодификационных источниках и в узусе появляется восклицательный знак (Ратке 1629); в узусе появляется двойное тире как переход к новой мысли, однако кодифицирован знак будет лишь во второй половине XVIII в. В скобки заключают иной смысл, не связанный с основным повествованием, кодификационные требования здесь совпадают с узусом.

В барочном романе (1626) фиксируем запятую после заимствованных слов, в других случаях разделение различных отрезков выполняет виргула. Такое положение отражено и в кодификации (Харсдерфер 1647). Виргула является и межфразовым, и внутрифразовым знаком. Как внутрифразовый знак она отделяет: однородные члены, маркирует достаточно регулярно границы предикативных частей, отделяет распространенную группу подлежащего от группы сказуемого, инициальное распространенное обстоятельство, маркирует даже ввод прямой речи: Ich hoert ihm mit grosser Gedult zu und sagte/ Mein Herr/ ich erinnere mich/ daß gesagt, es sey Herr <...> kommen und habe gesagt: Herr Doctor/ ich kan <...> (Schuppis, S. 526).

Наблюдается тенденция к графическому оформлению всех предикативных частей при помощи виргулы, двоеточия или точки с запятой. Однако встречается и случаи графического неоформления некоторых синтаксических построений: обычно это нераспространенный инфинитивный оборот в препозиции или в постпозиции, придаточное дополнительное, сравнительное, меры, образа действия, что мы связываем с начальным этапом становления системы: <...>: Denn der Mensch der Eitelkeit ist das nicht werth/ daß er wisse was das Paradeiß sey; und <...> (Böhme, 1623, S.222); Da war er schon

vorgewissert/ daß die Raeuber welche den Poliarchus ehigestern angetastet/ <...> (Opitz, 1626, S. 42); Ich der nach vielem abschlagen/ mich ueberreden lassen/ Freunden zu gefallen eine Thorheit zu thun/ hab endlich versprochen jhnen wie in andern Begnuegungen also auch mit dieser nicht zu entfallen/ bin aber <...> (Gryphius, 1657).

На протяжении столетия наблюдается сосуществование двух принципов пунктуации: интонационно-риторического и со второй половины XVII века все большее значение приобретает синтаксический принцип постановки знаков препинания. Соотношение кодифицированных норм и пунктуационной практики свидетельствует о большем разнообразии последней. Зоны функционирования двоеточия, virguly и точки с запятой часто совпадают (отделение автосемантических предложений, оформление сложносочиненных и бессоюзных сложных предложений, оформление прямой речи, причинно-следственных отношений). Эта вариативность свойственна этапу становления пунктуационной системы на всем протяжении XVII века.

Во второй половине XVII в. в кодификации представлены те же знаки, что и в первой половине столетия. Virгула – универсальный межфразовый и внутрифразовый знак на протяжении всего столетия. В кодификации определение ее функций сформулировано не совсем четко - virгула разделяет слова и делает незаконченную речь понятной. В узусе virгула маркирует интонационные паузы и синтаксические построения: отделяет распространенную группу подлежащего от группы сказуемого, маркирует распространенное инициальное обстоятельство, однородные члены, предикативные части, отрезки уточняющего характера. Если в первой половине XVII в. отмечен ряд немаркированных придаточных, то во второй половине века наблюдаем действие языкового закона аналогии, когда графическое оформление всех придаточных постепенно выравнивается, за исключением жанра траурных речей. Функциональная зона запятой в узусе и в теории – употребление после заимствованных слов.

На протяжении всего столетия дифференциации функций двоеточия и точки с запятой не происходит, однако можно говорить о все большей экспансии точки с запятой.

В узусе представлено тройное тире (Штилер) как знак спуска, заполнения строки. Так, тире, появившееся в узусе еще в первой половине XVII в., расширяет свои функциональные возможности, что, впрочем, не находит отражения в кодификации в течение всего века. Во второй половине XVII в. в узусе фиксируем появление открывающих кавычек - они ставятся в начале каждой строчки, что также не отражено в кодификации.

В XVII в. в теории и в узусе наблюдаем двойственную природу пунктуации – знаки соотносятся с паузами устной речи (Ратке, Гвейнц), а также организуют написанное, членят текст и дают понять, что должно быть отделено или выделено (Харсдерфер, Беллин, Шотгель, Бедикер).

Проанализировав немецкую пунктуационную практику на хронологических срезах первой и второй половины XVII вв., мы пришли к выводу, что уже на этом этапе функции и значимость знаков препинания зависят от многих факторов. Так, в жанре исторических хроник прослеживаются традиции немецкого канцелярского стиля со строго регламентированными правилами: в отличие от других жанров, здесь графически на регулярной основе оформляются различные синтаксические конструкции, а также графически регулярно маркируются паузы устной речи: Anno 1587. brandte **Bunten=Hufen** ganß ab/ welches ein Weib/ Nahmens **Margareta/** hatte angestectet <...> (хроника г.Гамбурга, с. 92); **Herzog Heinrich Julius** / hielte diese Zeit <...> (хроника г.Гамбурга, с.93). Различием отмечено графическое оформление придаточных определительных, придаточных дополнительных и инфинитивных оборотов в жанре романа. В переводном романе Д.Беркли, который выполнил М.Опиц, такие конструкции графически часто не маркируются, здесь проявляется влияние оригинала. В барочном немецком романе, напротив, маркируются все синтаксические конструкции, можно даже говорить о гиперпунктуации.

В первой половине XVIII в. в немецкой пунктуационной теории заметным событием становится учение Фрейера (1722). Фрейер говорит о полидетерминированном характере пунктуации, провозглашает, как и его предшественники, интонационный принцип пунктуации, однако при формулировке правил обращается и к смыслу, и к синтаксическим конструкциям. Фрейер кодифицирует одинарные кавычки, которые имели место в узусе второй половины XVII века. Их используют, согласно Фрейеру, для ввода цитат. В узусе первой половины XVIII в. появляются и закрывающие кавычки, их кодифицирует Готтшед (1748).

Знаки конца периода в кодификационных требованиях - это точка, вопросительный и восклицательный знаки, в узусе в этом качестве могут выступать и virgula, и двоеточие, и точка с запятой (Гриммельсгаузен). Вопросительный знак маркирует прямой и риторический вопрос, в объемном сообщении вопрос нейтрализуется, употребление знака в узусе и в пунктуационной теории совпадает.

В узусе присутствует несколько разновидностей тире (-), (==), (= =), которое по функциям близко многоточию. Тире в узусе маркирует обрыв речи, переход к другой теме. В кодификации тире по-прежнему отсутствует.

В кодификационных источниках первой половины XVIII в. предпринимается попытка разделить функции точки с запятой и двоеточия, обращается внимание на иерархию знаков, на наличие других знаков, на объем периода, на наличие союза. В узусе же продолжается функциональный рост точки с запятой. Однако постепенно знаки функционально расходятся. Постановка двоеточия в узусе мотивирована вводом прямой речи, обобщением, заключением. Точка с запятой маркирует ряды однородных членов, параллельные

конструкции, распространенные придаточные определительные (обычно в постпозиции).

Виргула (в самом начале XVIII в.) или запятая в узусе достаточно регулярно обозначает все предикативные части, сравнения, уточнения, приложения, обращения, инфинитивные обороты, вводные предложения, однородные члены, сложную союзную и бессоюзную связь, а также конец автосемантического предложения. Эти же структуры кодифицирует Фрейер, другие кодификаторы (Эрнести 1721, Готтшед 1748) призывают не злоупотреблять знаками, поскольку это затемняет смысл высказывания.

Во второй половине XVIII в. для вопросительного и восклицательного знаков в кодификации (Аделунг 1782) оговариваются долгая пауза, соответствующий тон. В узусе употребление этих знаков резко возрастает (“Буря и натиск”). Во второй половине XVIII в. происходит дальнейшее расширение функций знаков. В узусе резко увеличивается употребление тире (одиночное, парное), что отражает и кодификация. Аделунг говорит о злоупотреблении тире, которое в узусе может маркировать эллипс компонента, обращение, обрыв речи, переход к другой теме, может отделять реплики персонажей, маркирует неожиданное высказывание, придает особое ударение, акцентирует отрывок, подводит итог вышесказанному, заключает замечания вводного характера, используется как дефис: *Nichts zu haben, und doch so viel Kinder* = *Ich mag nicht reden. So geht es, wenn man nicht nachsinnt* (Gellert, 1747, S. 157); *Wie habe ich ihn nicht, meinen Vater, seit sieben Tagen – denn erst sieben Tage kleidet mich die maennliche Toga – wie habe ich ihn nicht gebeten, gestehet, beschworen, <...>* (Lessing, S. 407).

Синонимия точки с запятой и двоеточия в узусе сохраняется на тех же участках пунктуационной системы, что и в первой половине века (причинно-следственные, противительные, условно-следственные отношения, оформление союзной и бессоюзной связи).

Виргула выходит из употребления в течение первой половины XVIII в., ее встречаем в письме Виланда (1782) в обращении и в прощании, уже как особый прием выражения уважения. Запятая регулярно маркирует практически все синтаксические построения, что отражено и в кодификации. В жанре научной прозы и личной переписке (Гете, Виланд, Шиллер) мы регистрируем увеличение графического неоформления придаточных относительных и придаточных дополнительных, хотя в других жанрах маркируются практически все синтаксические отношения. Такой рост графически немаркированных придаточных относительных и дополнительных мы связываем с влиянием французского языка, в котором такие построения, как правило, не маркируются.

В целом же на материале немецких памятников разных жанров XVII – XVIII вв. подтверждается тезис об установлении в немецкой пунктуации структурного принципа. Таким образом, можно констатировать, что на протяжении двух столетий (XVII-XVIII вв.) корпус знаков изменился как в ко-

личественном, так и в качественном отношении. Кодификаторы фиксируют установившийся уже узус, то есть кодификация в этом отношении ретроспективна. На протяжении этих двух столетий происходит постепенный переход от интонационно-риторического к синтаксическому принципу пунктуации. Однако строго установленные, кодифицированные нормы могут нарушаться под влиянием более авторитетного языка (французского), что видим в области придаточных определительных, придаточных дополнительных, инфинитивных оборотах.

Становление **французской** пунктуационной системы отмечено более ранним временем – XVI-XVIII вв. и более полным арсеналом знаков, чем в немецкой традиции XVI в. Корпус знаков уже в XVI в. представлен почти всеми современными знаками (кроме тире и кавычек).

В качестве принципа пунктуации можно отметить взаимодействие интонационных и смысловых критериев. В практике XVI столетия (в отличие от кодификации) отмечается использование многоточия и точки с запятой. Функция точки с запятой - ввод обоснования (обычно союз *car*) совпадает с зоной функционирования двоеточия: *Combien que par l'Imperatif, aussi proprement se puisse dire; car* autant vault *Faites cela, et Va la, que, Vous ferez cela, et Tu iras la, prononcez en façon de commandemêt, ou remontrance avec les plus grans: car* les soubiects ou moindres ne peuvent pas commander à <...> (Estienne, p.67). Такие случаи совпадения функциональных зон знаков неизбежно сопутствуют языковой эволюции.

Знаки конца предложения – точка, вопросительный и восклицательный знаки формируют ядро пунктуационной системы. Функции периферийных знаков еще отчетливо не сложились. На определенных участках (пояснение, ввод примеров) мы наблюдаем вариативность знаков (двоеточие – точка с запятой, двоеточие – запятая - курсив).

В XVII в. происходит экспансия точки с запятой, наблюдается ее функциональный рост, особенно в жанре философской прозы. Борьба двух конкурирующих знаков середины предложения (точки с запятой и двоеточия) проходит на протяжении всего XVII столетия. В узусе XVII в. имеет место дальнейший рост функций многоточия: обрыв речи, пауза обдумывания, ввод в ситуацию (в абсолютном начале предложения), хотя в кодификации знак по-прежнему не отражен: <...>; *que peut-être la neige est l'écume des plantes qui meurent enragées, et que les vents qui soufflent tant de froid, sont les derniers soupirs de la nature agonisante (Cyrano de Bergerac, p. 231) – что может быть деревья и снег <...> - это последние вздохи агонизирующей природы....* С первой половины XVII в. в узусе фиксируем парные кавычки, которые обрамляют прямую речь, в кодификации же знак не представлен. Функции скобок, точки, вопросительного и восклицательного знаков в узусе и в кодификации установились на протяжении XVI в. и на протяжении XVII столетия не изменились.

Запятая в кодификации выступает в двух разновидностях: как одиночная (функция отделения) и как парная (функция выделения). Обе разновидности представлены и в узусе. В пунктуации находит свое отражение культ разума, логики, когда все, что нарушает естественную структуру французского предложения, требует графического обозначения. Явно прослеживается различное графическое оформление двух типов придаточных предложений: (1) тесно связанных с главным предложением (придаточные дополнительные, образа действия, относительные определительные), без которых главное предложение было бы не полным; (2) придаточные, менее тесно связанные с главным (придаточные причины, следствия, условия, относительные пояснительные). Тип связи придаточного предложения (тесная, менее тесная) влияет на графическое оформление названных придаточных предложений.

Таким образом, можно констатировать, что в основных своих чертах пунктуационная иерархия уже сложилась: выбор знака зависит от объема периода; знаками крупного членения периода являются двоеточие и точка с запятой; двоеточие – знак крупного членения периода XVI в. уступил в XVII в. свои позиции точке с запятой; запятая отвечает за более мелкое членение внутри части периода. Пунктуационный узус позволяет говорить о том, что постановка запятой обусловлена:

- типом придаточного предложения (можно говорить об определенной традиции отделения некоторых типов придаточных от главного предложения),
- позицией конструкции (придаточное предложение в препозиции к главному предложению регулярно маркируется),
- позицией конструкции по отношению к ядру предложения SPO (инфинитивные обороты в препозиции отделяются запятой регулярно),
- объемом конструкции (может маркироваться граница между распространенной группой подлежащего и группой сказуемого),
- интенцией автора, который сам определяет, что важно для повествования (оформление придаточных относительных).

В XVIII в. в узусе (но не в кодификации) представлены все современные знаки, представлена (в узусе и в кодификации) оппозиция одиночный – парный знак (скобки, запятые), четко выделены знаки конца, середины и начала предложения.

Знаки конца периода – точка, вопросительный и восклицательный знаки функционально не изменяются. Как и в предыдущем столетии наблюдается синонимия двоеточия и точки с запятой и в узусе, и в кодификации. Функции скобок не изменились на протяжении трех столетий – в них заключают иную информацию, скобки функционально близки парным запятым. В узусе регулярно, как и в XVII в., для оформления прямой речи используются кавычки, но и в этом веке они не зафиксированы в кодификации. Многоточие – универсальный в узусе знак начала (ввод в ситуацию), середины (обрыв

речи, припоминание) и конца (размышление) предложения также не отражен в кодификации, то есть возможности узуса снова оказываются шире нормы.

Таким образом, к концу XVIII в. в узусе представлены практически все современные знаки, в кодификации же зафиксированы далеко не все инновации. На основе проведенного анализа можно говорить об изменениях в статусе знаков крупных узлов членения – двоеточие, излюбленный знак XVI в., уходит на периферию, уступая место точке с запятой, что обусловлено, на наш взгляд, прагматическими фактами. В XVII веке данные знаки имеют несколько тождественных зон функционирования; решение использовать один знак для всех спорных случаев (проявление языкового закона аналогии) это выход из сложившейся пунктуационной задачи. Спор этот решается в пользу точки с запятой в силу того, что двоеточие имеет за собой долгую традицию и ядерные функции – ввод пояснения и прямой речи, а относительно новый знак получает новые функции.

В исследовании показано, что формирование национальных языков, предшествующее Просвещению, а вместе с тем и развитие пунктуации окрашено идиоэтнической спецификой. Говоря о специфике функционирования пунктуационных систем немецкого и французского языков, необходимо, на наш взгляд, говорить о различиях в процессах становления этих систем, акцентировать различный характер нормализации и кодификации, неодинаковые условия, в которых они протекали. Не последнюю роль играет и отношение общества (в лице государства в том числе) к данному вопросу и это отношение проявилось по-разному. Во Франции пунктуационные нормы практически не изменились с XVII века и бережно сохраняются. В Германии же стремление регламентировать все сферы общественной жизни отразилось на письме «сверхпунктуацией» там, где можно обойтись лексическими средствами и порядком слов.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Лыскова, И.Ю. К вопросу о функциях знаков препинания и принципах немецкой пунктуации [Текст] / И.Ю. Лыскова // Проблемы школьного и дошкольного образования: Тезисы Пятой региональной научно-практической конференции “Достижения науки и практики – в деятельность образовательных учреждений”. – Глазов, 2002. – С. 48–49.

2. Лыскова, И.Ю. Об особенностях немецкой пунктуации [Текст] / И.Ю. Лыскова // Вестник педагогического опыта. Серия иностранные языки. – 2002. – Вып. 18. – С. 11-13.

3. Лыскова, И.Ю. О факторах, влияющих на обособление инфинитивных оборотов [Текст] / И.Ю. Лыскова // Теория и типология грамматических систем: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (22-23 мая 2003г.). - Ижевск: Изд. Дом “Удмуртский университет”, 2003. – С. 98–101.

4. Лыскова, И.Ю. О функционировании точки с запятой в немецком языке в XVII веке [Текст] / И.Ю. Лыскова // Вопросы современной филологии и методики обучения языкам в школе и в вузе: сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции. - Пенза: РИО ПГСХА, 2004. – С. 82-84.

5. Лыскова, И.Ю. Пунктуационная норма в динамическом аспекте [Текст] / И.Ю. Лыскова // Молодёжь и наука XXI века: По материалам V Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. - Красноярск: РИО КГПУ, 2004. – С. 259–260.

6. Лыскова, И.Ю. К вопросу об инфинитивных оборотах в немецком языке в XVII – XVIII веках [Текст] / И.Ю. Лыскова // Вестник педагогического опыта. Серия иностранные языки. – 2005. – Вып. 25 . – С. 67-69.

7. Лыскова, И.Ю. О знаках середины предложения в немецком языке XVII-XVIII вв. [Текст] / И.Ю. Лыскова // Проблемы школьного и дошкольного образования: Тезисы Седьмой региональной научно-практической конференции “Достижения науки и практики – в деятельность образовательных учреждений”. – Глазов, 2005. – С. 45-46.

Изд. лиц. ИД № 06035 от 12.10.2001.

Подписано в печать 18.01.06. Напечатано на ризографе. Формат 60x84¹/₁₆.
Усл. печ. л. 2,7. Тираж 100 экз. Заказ № 70 - 2006.

Глазовский государственный педагогический институт
427621, г. Глазов, ул. Первомайская, 25